

Лучшие романы
об уголовном розыске

НИКОЛАЙ ЛЕОЖОВ

Ловушка

ЭКСМО

Николай Иванович Леонов
Ловушка
Серия «Гуров», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120792
Ловушка: Эксмо; Москва; 1995
ISBN 5-85585-337-3*

Аннотация

Четыре человека подозреваются в убийстве молодой женщины. У всех четырех имеются мотивы для такого поступка, но следователю Льву Гурову от этого не легче. Ни прямых улик, ни убедительных доказательств, все логические построения разваливаются, как карточный домик. Но на то он и знаменитый сыскарь, чтобы из мозаики разрозненных фактов сложить картину преступления столь яркую и точную, словно видел ее своими глазами.

Содержание

День сегодняшний	4
День минувший	36
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Николай Леонов

Ловушка

День сегодняшний

Водитель остановил машину у подъезда и, не поворачиваясь, спросил:

– Ждать или вызовете?

Старший инспектор МУРа Лев Гуров взглянул на водителя с удивлением. За последние годы он привык, что водители оперативных машин, зная его в лицо, обращаются к нему персонально, одни по имени, другие по фамилии, но с некоторым интересом и уважением. Гуров только сейчас сообразил, что он тоже не знает водителя; в сущности, какая разница, знают они с водителем друг друга или нет, но сейчас это вызывало досаду. Сегодняшний день не ладился изначально, и необходимо было вырваться из круга невезения. Всю дорогу Лева решал вопрос, почему на несчастный случай, пусть даже со смертельным исходом, полковник выслал оперативную группу управления во главе с ним, Гуровым, хотя он сегодня после дежурства в отгуле.

– Пожалуйста, поезжайте в гараж. Я позвоню.

Гуров мельком заметил довольное лицо шофера, вышел из машины и присоединился к врачу и эксперту научно-тех-

нического отдела, которые со своими чемоданами уже направились к подъезду.

Войдя вслед за ними, Гуров увидел цифровой замок и нажал красную кнопку вызова дежурного. Ответа не последовало.

– Открыть, Лева? – спросил эксперт.

Гуров не успел ответить, как в подъезд ворвались ребятишки-дошкольники: один из них, приподнявшись на носки, потыкал грязным, ободранным пальцем в кнопки замка и распахнул дверь. Бесцеремонно оттолкнув представителей власти, ребятишки с визгом разлетелись по большому прохладному вестибюлю.

Гуров прошел следом и огляделся.

Справа – просторная комната дежурного, виден даже длинный стол, но самого дежурного не было. Гуров взглянул налево, на доске объявлений мелькнули буквы ЖСК. Значит, кооператив, и за тем столом собирается правление. Пока они поднимались в чистом просторном лифте, Гуров успел подумать, что дом очень дорогой, следовательно, достаток жильцов выше среднего – профессура, актерская элита, возможно, директора магазинов.

Дверь нужной им квартиры была открыта, на площадке никого.

Гуров с товарищами вошел в холл, который сразу, казалось, наполнился народом, будто кто-то им вышел навстречу. Лева не сразу сообразил, что противоположная сте-

на холла сплошь зеркальная.

Он помедлил, кашлянул, произнес:

– Добрый день! – И тут же понял, что такое приветствие звучит нелепо: приехали к покойнику.

Из боковой двери вышел атлетически сложенный мужчина:

– Милиция? Мы вас ждем, проходите.

Лева заглянул в комнату, увидел на полу тело, повернулся к товарищам: мол, проходите, приступайте.

Процедура осмотра была точно предусмотрена законом и выверена многолетним опытом. Сначала подойдет врач, установит факт смерти, затем своими делами займется эксперт-криминалист. И если факт несчастного случая не вызовет сомнения, то Лева может на тело даже не смотреть. Так он обязательно и поступит. Разговоры о том, что с годами можно привыкнуть к виду смерти, к Гурову не относились, он твердо знал: на него лично это не распространяется.

– Прошу!

Лева кивнул и прошел за атлетом на кухню.

– Пожалуйста, расскажите все по порядку. Я старший инспектор управления МУРа Гуров Лев Иванович.

Атлет отстранил протянутое Гуровым удостоверение, сдержанно поклонился:

– Сергачев Денис Иванович... Живу в квартире напротив. Сосед.

Кухня была большая, вероятно, служила и столовой. Гу-

ров мельком отметил, что все очень богато, сел за стол и тут же увидел прямо перед собой девушку. Она спрятала лицо в ладони, но по джинсам, обтягивающим узкие бедра, пестрой кофточке на острых плечах, главное же, конечно, по рукам, которые старятся в первую очередь и выдают возраст женщины, и непрофессионал мог бы безошибочно определить, что девушке лет двадцать, не более.

Усаживаясь, Лева вопросительно посмотрел на Сергачева:

– В недавнем прошлом спортсмен, а сейчас чем занимаетесь, Денис Иванович?

– Журналист. – Денис Иванович не принял дружеского тона.

Лева пожал плечами: мол, не хотите, как хотите, станем говорить языком протокола:

– Рассказывайте.

Мужчина, соглашаясь, кивнул, взглянул на часы, заговорил спокойно, делая короткие паузы:

– Сейчас пятнадцать двенадцать. В четырнадцать десять, время я отметил точно, так как знал, что вы о нем спросите, – он взглянул на Гурова, ожидая одобрения, не дождался и продолжал: – В мою дверь позвонили. Я открыл. На пороге стояла, – Сергачев кивнул на застывшую девушку, – Вера. Вид у нее был, прямо сказать... всклокоченный. Вера довольно бессвязно стала объяснять, что Лена... Елена Сергеевна Качалина... упала, ударилась виском и... В общем,

плохо. Я прибежал и увидел, что Лена – я немножко врач – мертва. Я позвонил в «Скорую», в милицию. «Скорая» уехала перед вами.

– Значит, вы сами не видели, как Качалина упала? – Лева привычным жестом достал блокнот, начал делать короткие записи.

– Я лично не видел, но это ясно. – Сергачев взглянул на стену, за которой произошла трагедия и где сейчас трудились врачи и эксперт.

– Вера – дочь, член семьи?

– Она одна из наших дежурных. Сутки работает, трое отдыхает.

– Вы, Денис Иванович, и Вера будете понятыми. – Лева взял девушку за руку: – Как вы себя чувствуете, Вера?

Неожиданно девушка резко оттолкнула Леву, встала и вышла из кухни. Гуров ощутил острый, неприятный запах алкоголя.

Мужчина впервые посмотрел на Гурова сочувственно и понимающе и, явно принуждая себя, сказал:

– Хорошая девочка, но принимает, особенно в последнее время.

– Работает здесь давно?

– С прошлой осени. Тривиальная история: приехала поступать, провалилась... Сами знаете.

– ВГИК? ГИТИС? – спросил Лева.

– ВГИК. – Мужчина взглянул на Леву с интересом. –

Успели разглядеть?

Лева кивнул и улыбнулся, призывая к установлению дружеских отношений. Сергачев приглашение принял, тоже кивнул и сказал:

– Есть ситуации, встречающиеся так часто, словно жизнь их штампует. Провинциальная красотка приезжает покорять столицу. Сентиментальная история, повторяющаяся бесконечно, словно одна и та же операция на конвейере...

«Старше меня немного, – прикинул Лева. – В прошлом отличный спортсмен, но и сейчас следит за собой. – Гуров произвольно начал составлять словесный портрет Сергачева: – Лет примерно... тридцать шесть. Рост – сто восемьдесят пять, вес – около девяноста, волосы русые, острижены коротко, глаза карие, нос прямой... Особые приметы: перед тем как улыбнуться – морщится. Безусловно, контактен, с людьми ладит, пользуется успехом у женщин...»

Гуров слушал вполуха, разглядывал Дениса Сергачева, не понимая, что его настораживает в этом открытом и обаятельном человеке.

– Вы меня не слушаете? – Сергачев вынул из кармана сигареты, взглянул вопросительно.

– Курите, курите, – Лева, словно хозяин, подвинул Сергачеву пепельницу. – Но прежде посмотрите, как себя чувствует девушка. К сожалению, мне необходимо...

– Девушка себя чувствует великолепно!

Вера вошла в кухню, быстро села за стол, облокотилась,

положила круглый, с чуть заметной ямочкой, подбородок на ладони и посмотрела на Гурова широко открытыми, лихорадочно блестящими глазами.

– Елена умерла. – Вера некрасиво скривилась, тяжело вздохнула.

«А она сейчас хлебнула, – непроизвольно отметил про себя Гуров. – Вчера пила, сейчас добавила, ее может развезти...»

– Меня зовут Лев Иванович, Вера. Извините за казенные слова – расскажите, как произошло несчастье.

– Я знаю? Поскользнулась, упала.

– Вас в комнате не было? Вы что, были здесь, в кухне?

– Вот еще! – Вера почему-то возмутилась. – Я внизу сижу, в стекляшке.

– Подождите, подождите. Так вас не было в квартире, когда Качалина упала?

– Скажете! Я же вам говорю: мое место внизу, в аквариуме. – Вера взяла у Сергачева сигарету, закурила.

Лева попытался быстро перестроиться. Значит, свидетелей несчастного случая нет, есть только труп. Лева встал, направился было в комнату, обернулся и недоуменно спросил:

– Как же вы попали в квартиру?

– У меня ключ. – Вера дернула плечиком. – Я здесь прибираю.

– Вы пришли и увидели...

Вера возмущенно фыркнула, повернулась к Сергачеву:

– Дурак какой-то! А еще москвич, и, наверное, с высшим! – Она удостоила Гурова взглядом, которому безуспешно пыталась придать высокомерие: – Нет! Я не пришла и не увидела! Я влетела в окно на метелке... – Вера выскочила из кухни, чуть не налетев на Леву, и он услышал, как в ванной что-то упало и полилась вода.

Гуров взглянул на сидевшего неподвижно Сергачева, который курил, глядя в окно. В неподвижности его было что-то неестественное и тревожное.

«Мне сообщили, что с соседкой случилось несчастье, – рассуждал Лева. – Человек умер нелепо, не совсем чужой, все понятно. Но этот парень держится из последнего. Почему?» Лева подвесил вопрос и перешел в комнату, где работали эксперт и врач.

Эксперт фотографировать закончил, укладывал аппаратуру; врач стоял на коленях и, наклонившись, осматривал тело. Картина предстала перед Гуровым жутковатая: мужская фигура без ног и головы, и из-под нее вытягиваются обнаженные женские ноги – длинные, гладкие и абсолютно живые. Одна нога босая, на другой атласная туфля с красным пушистым помпоном.

Гуров взглядом спросил у эксперта, где можно сесть. Тот указал на большое лохматое кресло. Лева утонул в меховой обивке и хотел было тут же подняться, так как вновь стало жарко, да и кресло располагало к покою, умиротворенной сонливости, а отнюдь не к размышлениям, но не встал, а по-

двинулся к краю и начал осматривать гостиную. Конечно, эта комната была гостиной. Увидел открытый бар и почему-то подумал: «Где же хлебнула спиртного Вера? Сюда она, конечно, не заходила. – И сразу же попытался разозлиться и сосредоточиться: – Я что, приехал сюда накапливать ненужные вопросы? Качалина упала и ударилась. Обо что она ударилась?» Увидел другое кресло, около которого лежала женщина, – деревянное, с высокой резной спинкой, подлокотники с отполированными бронзовыми шарами на концах. «Удобное кресло, – подумал Лева, – в нем приятно сидеть, поглаживая прохладные гладкие шары. Если упасть и удариться о такой шар виском? А зачем здесь падать? Ковер – поскользнуться невозможно. Споткнулась? Молодая здоровая женщина. Падая, инстинктивно должна была вытянуть руки, как-то смягчить удар, а не грохнуться плашмя. Пьяная?» Лева повернулся к двери, словно хотел увидеть Веру, перевел взгляд на открытый бар, подумал безвольно: «Надо сказать, чтобы девушка не уходила», – и не двинулся с места. Начала сказываться бессонная ночь. Жара хоть немного и отпустила, но ровно настолько, чтобы оставить его в живых, не более. Все вокруг стало раздражать. И обаятельный атлет с заторможенными движениями и тщательно скрываемым горем. И вымоченная в спиртном несостоявшаяся актриса, имеющая ключ от квартиры и разыгрывающая безутешное горе. И даже мертвая хозяйка квартиры с красивыми, совсем живыми ногами. Почему она падает, где совсем не скользко, и со все-

го маху точно ударяется о бронзовый шишак? Наконец, почему полковник Турилин послал его, Леву Гурова, старшего инспектора, раз было заявлено о несчастном случае? Константина Константиновича попросили? Кто попросил? Почему?

Хлопнула входная дверь. Лева мгновенно оказался в холле, желая догнать ушедшую без разрешения Веру. Девушка стояла у зеркала, опираясь на руку Сергачева, и они растерянно и виновато смотрели на вошедшего мужчину. Все они и он, Лева, удвоенные зеркальной стеной холла, производили нелепое впечатление.

– Что случилось, Денис? – спросил мужчина, не обращая внимания ни на Веру, ни на Гурова. – Почему ты звонишь в кабинет к руководству? Что? Что с Еленой?

– Ваша супруга, к сожалению, умерла. – Ничего, кроме глупой театральной фразы, Гурову сложить не удалось.

Лева понял: приехал хозяин дома и муж погибшей.

– Елена! – закричал Качалин и, явно не веря услышанному, пошел по квартире в поисках жены. – Елена!

Гуров не остановил его, пошел следом. За мужчиной тянулся шлейф резковатого, неизвестного Леве одеколona.

– Денис, – почему-то Лева счел возможным назвать Сергачева по имени, – заберите его.

– Он не вещь, – буркнул Сергачев, но остановил Качалина, который уже шагнул в гостиную, обнял за плечи и зашептал: – Гоша, ну случилось, ну что с этим поделаешь? Пойдем, го-

лубчик, помочь ты уже не можешь. Там врач, не будем ему мешать. – И повел хозяина на кухню.

Что-то противоестественное увиделось Гурову в поникшей фигуре Качалина. Он поверил случившемуся сразу, в гостиную не вошел, глянул с порога и отступил, безвольно подчиняясь, побрел на кухню.

– Что-то теперь будет? – Вера, прикусив опухшую губу, смотрела прямо перед собой. Гурова она не замечала и, казалось, спрашивала себя о чем-то жизненно важном.

Гуров не ответил, вопрос был явно не к нему, раздраженно передернул плечами, стараясь отстраниться от прилипшей к спине рубашки.

– Вы были очень привязаны к погибшей? – осторожно спросил Гуров.

– Что? – Вера смотрела недоуменно, затем, осознав вопрос, всплеснула руками: – Я ее обожала! Обожала! Как я теперь буду жить?

Гуров напрягся, подавил в себе раздражение, пытаясь пробраться сквозь театральность жестов и слов и увидеть главное, что за этой театральностью пряталось. А главное – существовало, Лева не сомневался. Даже если горе разыгрывают, то не делают этого без всякой причины. У девушки нелепо погибла знакомая, пусть даже подруга, так ведь не мать, не ребенок...

Он стоял перед зеркалом и увидел, как из гостиной приоткрылась дверь, выглянул эксперт:

– Лев Иванович, зайдите.

Гуров замешкался, соображая, с какой стороны дверь, с какой зеркало, сказал:

– Вера, прошу вас из квартиры не уходить и больше не пить спиртное. – И прежде чем девушка успела выпалить очередную дерзость, ушел в гостиную, прикрыл за собой дверь.

Тело было прикрыто халатом, врач курил в лоджии, он махнул Левае рукой. Эксперт вновь открыл свой чемодан, и по тому, что он из чемодана доставал, Гуров все понял и не удивился.

– Что я тебе скажу, Левушка? – Врач с интересом разглядывал дымящуюся сигарету. – Убийство. Чистое, как сле-за, убийство. Инсценировка глупая. Уверен, что спонтанная. Она не ударилась, а ее ударили – ясно как день. Рана сеченая, а измазанный кровью набалдашник – круглый. И кровь при падении растеклась бы иначе, и тело лежало бы не так. Действительным здесь является только факт смерти. Красивая женщина, – неожиданно закончил врач. – Начинать работать, инспектор.

Гуров ничего не сказал, кивнул и вернулся в гостиную. Эксперт обрабатывал порошком ручку кресла, искал пальцевые отпечатки. «Кто только не хватался за кресло?» – подумал Лева и взглянул на телефон.

– Можно, – сказал эксперт, угадывая желание Левы. – А это обнаружено в кармане халата Качалиной. – Он протянул

инспектору ключи и изящную зажигалку.

Гуров позвонил Турилину:

– Константин Константинович, пришлите сюда следователя прокуратуры и кого-нибудь из моей группы.

– Предположение или факт? – спросил Турилин.

– Факт. – Гуров помолчал и, наступая на самолюбие, спросил: – А мне не следует знать, почему вы так и предполагали?

– Я не исключал возможность. Семейей очень интересуются коллеги с пятого этажа. – Турилин положил трубку.

На пятом этаже размещалось Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности. Гуров оглядел гостиную уже под другим углом зрения, однако тут же заставил себя не отвлекаться. Ребята из УБХСС занимаются своим делом, он – своим. Надо ждать следователя. Начался сегодняшний день скверно, закончится, видимо, еще хуже.

Утром после дежурства Гуров, не выходя из кабинета, выслушал прогноз погоды.

Диктор радостно сообщил, что такой жары в Москве не наблюдалось столько-то лет и вода в Москве-реке теплее, чем в Черном море. Виновен в этом то ли циклон, то ли антициклон, и, когда они все вместе от столицы уберутся, науке неизвестно. Леве следовало радоваться столь редкостному явлению, пройдет время, и можно будет, мудро усмехнувшись, сказать: «Разве сейчас жара? Вот, помню, был июль, так было действительно тепло, асфальт продавливался под каблуками, ночью простыни прилипали, головы на подуш-

ках плавали».

Конечно, интересно быть очевидцем редкостного события или явления, в рюкзаке памяти укладывается незабываемое и неповторимое. Затем сверху можно набросать и то, чего на самом деле не было, но вполне могло бы произойти, и рассказать, присочиняя, и уже самому в придуманное свято верить. Гуров знал: очевидец – человек во многом уникальный и самобытный, талантливый и неповторимый. Недаром коллеги Гурова, люди до невозможности приземленные, – не художники, зачарованные музыкой гомеровской «Илиады», скорее археологи, готовые в поисках черепка истины копать и копать до изнеможения, так вот эти рациональные и неинтересные люди порой говорят: «Он лжет, как очевидец».

Лева Гуров не страдал тщеславием, не думал о звездном будущем, а сутки за сутками страдал от жары, ища спасения в ванной, а утром, сменившись, выслушал приговор синоптиков и отправился на пляж. Что толкнуло его на столь опрометчивый поступок, неизвестно: то ли сказалась бессонная ночь, то ли соблазнила возможность добраться до воды на служебной машине, которая ему полагалась после дежурства.

Вода в заливе лежала, словно расплавленный и еще не остывший свинец. Тяжелая, неподвижная, серая, она жарко поблескивала и, казалось, давила на желтый раскаленный берег. Ошалевшие люди, безуспешно пытаясь спастись от жары, навалившейся на город, лежали на выжженной траве,

бродили, загребая ногами перегретый песок, падали в эту тяжелую воду, надеясь получить хотя бы кратковременную передышку в борьбе с безжалостным солнцем.

На колкой, пахнувшей табаком траве лежал и Лева. С закрытыми глазами, но зримо ощущая бледное, выцветшее от солнца небо, он вяло мечтал о прохладной квартире с опущенными шторами, выключенным телефоном и сытно урчащим холодильником, о книжной полке.

«Встать и сейчас же уехать!» – жестко скомандовал Лева, перекатился на живот, приоткрыл глаза, огляделся – у воды люди лежали, словно карты в заигранной сальной колоде.

Лева быстро одевался, пытаясь вспомнить, хватит ли у него денег на такси.

Денис Сергачев в этот день поднялся поздно, около десяти. Лева уже сдавал дежурство, а Денис еще стоял в ванной, подставляя лицо под колючие струйки. Он смочил негустые русые волосы, закрутил кран и широкими ладонями начал стряхивать с рук и груди воду. Коснулся живота и поморщился: он был плотно покрыт жиром, а по бокам, чуть ли не в ладонь шириной, нависали складки. Денис шагнул негнушимися ногами из ванны, протер запотевшее зеркало, оглядел себя, хотел подмигнуть насмешливо, но получилась довольно жалкая гримаса. Два дня, как он начал новую жизнь, бегал трусцой и делал гимнастику, мышцы в отместку ныли, мелко дрожали и подталкивали к осиротевшему дивану. Де-

нис оделся, прошелся по квартире, думая о том, что необходимо купить весы или хотя бы взять на время у соседки, отгоняя мысли, что все это уже было, начинал он новую жизнь, делал гимнастику и бегал, не пил, ограничивал себя в куреве и еде, но никогда уже ему не быть Денисом Сергачевым с фигурой «как у бога».

Морщась, он съел яйцо без соли, выпил кофе без сахара, оттягивая переход в комнату, где на столе притаились пишущая машинка и магнитофон, хранивший в своей бесчувственной памяти интервью с олимпийским чемпионом, статью о котором надо через два дня положить на стол редактора.

Денис с надеждой покосился на телефон, холодно поблескивающий пластмассовыми боками, который, накрывшись трубкой, угрюмо молчал. Помощь пришла неожиданно. Неуверенно тренькнул дверной звонок. Денис вскочил, ноги подкосились, свело бедра и икры, но он заставил себя прошагать до двери, с надеждой крикнул:

– Минуточку! – и щелкнул замком.

– Картошка. – Одетая во что-то фиолетовое, блестящее и стеганое тетка названивала уже соседям. На Дениса взглянула неприветливо, оценив его как покупателя несерьезного.

Он решил было из упрямства купить несколько килограммов, но мысли о диете и о картофельной кожуре его остановили.

Дверь напротив распахнулась, Елена махнула Денису при-

ветственно и деловито спросила:

– Сколько? – Услышав цену, рассмеялась, согласно кивнула. – Дэник, – так она называла Дениса, – занеси, пожалуйста.

Денис подхватил ведро и обреченно вошел в соседнюю квартиру. Все последующие действия и разговоры были известны досконально. Елена освободит от работы, накормит досыта, лишит свободы и чувства достоинства.

Кофе, как и все в доме Качалиных, был экстра-класса. Елена ловко орудовала у плиты и кухонного стола, отвечала на непрерывные телефонные звонки и учила Дениса умуразуму. Она все делала быстро, четко, можно сказать, вдохновенно. На плите что-то жарилось, хозяйка в это время чистила и мыла овощи, уточняла по телефону место и время очередной встречи, кому-то отказывала, другого одобряла и с чуть кокетливой гримаской, которая смягчала облик сугубо деловой женщины, говорила:

– Денис, тебе летом сорок, неужели не надоело стирать рубашки, писать очерки, которые читают одни дебилы...

Кофе благородно горчил, Денис привычно и заученно улыбался. Елена сунула ему в руки морковь и терку. Он начал тереть морковку, смотрел на деловую женщину и пытался вспомнить, как она выглядела двадцать лет назад, когда они познакомились у волейбольных площадок на стадионе «Динамо».

Денису было двадцать, Леночке восемнадцать, но она ему

почему-то казалась маленькой и незащищенной девочкой. Денис ошибался. Возможно, в раннем детстве Елена и была непосредственной и наивной; когда же она познакомилась с Денисом, то пошла его провожать после соревнований и согласилась вновь встретиться отнюдь не потому, что он парень остроумный и обаятельный. Атлетически сложенный, жизнерадостный и неглупый, прирожденный лидер, он обращал на себя внимание, но Лена в нем оценила другое. В спортивной среде, модной и в те времена, Денис Сергачев был парень известный и престижный...

Денис справился с морковкой.

Елена опустила трубку, улыбнулась Денису, положила перед ним луковицу, деревянную доску, острый нож и ответила на очередной звонок.

Как и полагается, Денис над глянцевицей, пахучей луковицей всплакнул, однако нарезал прозрачными кружочками и откинулся на высокую деревянную спинку стула – мебель на кухне Качалиных была вся темного дерева, резная. Денис попытался взглянуть на Елену со стороны, не из глубины десятилетий, а, как говорится, «на новенького». Коротко стриженная блондинка с карими, почти всегда смеющимися, однако недобрыми глазами; фигура спортивная, отнюдь не потерявшая форму, разве что грудь тяжеловата, но многим мужчинам это нравится. Двигается Елена быстро, не резко, кисти рук и лодыжки сухие, в общем, чувствуется в ней порода. Интересная, уверенная женщина, излучающая тревогу

и опасность. Одета в шорты и коротковатую, плотно облегающую кофточку, Елена даже на кухне носила витую золотую цепь, массивное кольцо и перстень с бриллиантами.

Денис допил кофе, взял ароматную американскую сигарету, щелкнул отличной настольной зажигалкой и оглядел хорошо знакомую кухню. В двух словах о ней можно сказать: много и дорого. Холодильников, конечно, два – и, естественно, импортные, такие же, как многочисленные банки и кастрюльки, даже запах от них заморский, а уж о продуктах и говорить нечего.

Но человек, попав в волшебный сад, сторонится излишне пахучих и соблазнительных плодов, которые и с деревьев-то свисают специально, чтобы их сорвали и съели. На этой кухне, у Елены, Денис позволял себе пить кофе, порой и нечто более крепкое и курить, но ему казалось, что если он начнет еще и есть, то потеряет остатки независимости и индивидуальности.

Денис понимал, что никаких остатков не имеется и его борьба не более чем самообман. Так узкогрудый мужчина с животиком-тыквочкой, увидев себя в зеркале, набирает в легкие воздуха, напружинивает грудь, подтягивает живот и, застыв на несколько секунд, бросает на себя горделивый взгляд. Таким лихим парнем он и останется в своем сознании, когда, с облегчением выдохнув и приняв естественный вид, быстро от зеркала отвернется.

На стенных шкафах выстроился парад бутылок. Чего

здесь только не было! Казалось, все фирмы мира, гарантирующие хорошее настроение и безрассудные поступки, прислали своих полномочных представителей. Но все они были пустыми, высосаны до капельки, и мундиры их поблекли под тонким, липким слоем жирной пыли.

– Дэнчик, запиши. – Елена подвинула Денису блокнот и ручку.

– Так, слушаю тебя, дорогая. Пожалуйста, по буквам.

Лена продиктовала название какого-то лекарства. Денис записал.

– И только в ампулах? – Она жестом дала понять, что это тоже необходимо отметить, и попробовала, достаточно ли посолен суп. – Получишь завтра.

Денис знал, что если лекарство в Москве имеется, то Елена его добудет, точнее, его привезут сюда, в дом; если нет, начнутся бесконечные звонки, и необходимая вещь все равно будет добыта. Слово свое Елена держала неукоснительно, помогала друзьям и даже просто знакомым охотно и бескорыстно, однако благодарность неизменно получала сторицею. Денис неоднократно наблюдал процесс взаимообмена услугами, но не мог проследить за многоступенчатостью их хитросплетений.

– Вернись на грешную землю. – Елена поставила перед Денисом бокал, наполнила чем-то золотистым и остропахнущим, себе тоже плеснула чуточку. – Как у вас, писателей, говорят? С утра выпил и целый день свободен?

– Я не писатель, – сказал Денис, почувствовав, что получилось слишком добродушно, добавил: – Я журналист, да и то спортивный, в меню это значит после коньяка, водки и даже рябиновой настойки.

– Среди второразрядных портвейнов. – Елена хрипловато рассмеялась, посмотрела недобрым взглядом, и скорбные морщины появились и исчезли в уголках рта. – Я не хотела бы заглянуть в меню, где имеется мой порядковый номер и цена. – Она легко подняла с пола тяжелый таз и скрылась в ванной, где тут же зафыркал кран, шлепнулась о фаянс мокрая ткань.

Отрезая пути к отступлению, Денис опорожнил бокал, налил и снова выпил до дна. Пишущая машинка напрасно ждала его в соседней квартире.

Денису стало хорошо и грустно, жалко себя очень. Умиляясь этой жалости, он стал вспоминать, чего сегодня уже точно не сделает. Естественно, он не закончит статью и, конечно, не пойдет на тренировку – в два часа «старички» соберутся погонять мяч. Он не поедет в редакцию и Спорткомитет, не пойдет в прачечную и за хлебом. Весь день впереди, как же он, Денис Сергачев, убьет его? День отлично начался, так надо было тетке в фиолетовой кофте притащиться со своей картошкой и заманить его сюда, усадить, напоить! Умиление переросло в самобичевание – Денис властно одернул себя. Елена – молодец, надо жить по-качалински. Готовим обед, стираем? Прекрасное настроение, мы хоро-

шие, трудолюбивые. Пьем, умеренно безобразничаем? Великолепно. Жизнь одна, второй точно не выдадут, хватай, лови! Ты поймал, ухватил больше соседа? Значит, ты сильный, ловкий, умный, и пусть завистники удавятся. Такое восприятие жизни Денису нравилось, он пытался принять его, порой получалось неплохо, но обязательно наступало похмелье, возникало чувство вины, неудовлетворенности.

В такие периоды Денис не заходил к Качалиным неделями, случалось, месяцами. Когда же возвращался – чистеньким, обновленным, уверенным, – его встречали радушно, словно расстались вчера. Лишь Елена сверкнет яркими глазами, спросит беспечно: «Монашеский запой прошел? Живи, как люди, не бери в голову лишнего». Денис оставался, через несколько дней круговерть мира Качалиных засасывала, лишала воли.

– Дэник, о чем задумался?

Он посмотрел в любимое лицо и вздохнул:

– Не встретить я тебя, жизнь сложилась бы иначе.

– Чушь, – ответила Елена, – ты последовательно идешь своим путем. Не я, была бы другая, на которую бы ты свалил свою слабость и несостоятельность.

В Москву Лева переехал несколько лет назад. Сначала командованием был решен вопрос о переводе в столицу отца Левы – генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Гурова. Затем неожиданно перевели в Москву и начальника Левы – пол-

ковника Турилина, который добился перевода и для Левы.

Москва и Управление уголовного розыска встретили Леву прохладно, без аплодисментов, но, как сказал мудрец, все проходит. Прошла боль первой любви, поутихла тоска, новые товарищи на работе перестали приглядываться, забыли, что Гуров пришлый, давно смотрели как на своего, он уже числился в асах, к чему относился равнодушно, даже насмешливо. В общем, часы тикали, листки календаря опадали вместе с листвой, и Лева начал привыкать к обращению по имени-отчеству, к тому, что чаще дает советы, чем обращается за ними.

За прошедшие годы Лева научился в некоторых случаях признавать свои ошибки, и сегодня он признал, что на пляж забрался по глупости.

Лева победил, вырвался из ловушки пляжа, добрался домой, принял холодный душ. На кухне старая баба Клава, член и фактически глава семьи, яростно гремела посудой. Простыни, еще прохладные, ласкали тело, жизнь поворачивалась лицом, начинала улыбаться и заигрывать.

В изголовье мягко заурчал телефон, Лева снял трубку.

– Здравствуйте, слушаю вас внимательно. – Он блаженно улыбнулся и прикрыл глаза.

– Лев Иванович, это я. Извините, я вас не разбудил?

– Не волнуйся, Борис Давыдович, разбудил. – Лева недоумевал: как это он не отключил телефон, мало того, сам снял трубку и еще улыбался?

Гуров уже был старшим инспектором, в его группе работали три инспектора, один из которых – Боря Вакуров, в прошлом году закончивший юрфак университета, – сейчас звонил. В двадцать три года Боре никакого отчества не полагалось, однако Лев Гуров еще не забыл, как сам страдал от покровительственного тона старших товарищей, и величал лейтенанта по имени-отчеству, чем приводил его в смущение. Гуров относился к себе с определенной иронией и не понимал, что для Бори он – ас МУРа и гроза убийц.

– Глущенко пришел. – Боря явно мучился, что беспокоит начальство, но иначе поступить не мог и продолжал: – Я ему пропуск заказал, пытался сам поговорить, затем добился, его... – он долго подыскивал подходящее слово. – Сам Петр Николаевич принял. А он...

Гуров однажды, сославшись на занятость, не принял Глущенко, потом писал объяснение так долго, что зарекся... «Сегодня не приму, завтра явится и полдня мне погубит», – решил Гуров и перебил:

– Знаю я твоего Глущенко, сейчас приду, дай ему какой-нибудь кроссворд, пусть ждет. – Положил трубку, стал изучать знакомую трещинку на потолке.

Анатолий Дмитриевич Глущенко не имел к Боре никакого отношения, был проклятием его, Льва Ивановича Гурова.

Они познакомились около года назад, когда Глущенко пришел на Петровку с жалобой на сотрудников районного отделения. Если бы Гуров мог хотя бы приблизительно пред-

видеть, чем закончится его встреча с этим скромным человеком с глазами удивленного, но всепрощающего святого! Если бы еще приказало начальство, а то Гуров по собственной инициативе влез в эту историю! И с тех пор раз в месяц, а то и чаще выслушивал Анатолия Дмитриевича, который, облюбовав Гурова, никому иному своих потрясающих открытий рассказывать не желал.

Гуров шел по улице неторопливо, стараясь придерживать-ся теневой стороны, что не всегда удавалось: солнце простреливало ее вдоль, прижимая тень к домам, порой уничтожало ее полностью. Хорошее настроение исчезло, мысли становились все ленивее и безрадостнее, чувство юмора испарялось, уступая место чувству жалости к себе.

«Раз уж я тащусь в кабинет, – рассуждал Лева, – то надо написать справку по грабежу в Нескучном саду, да и по всей группе Шакирова». Писать справки по законченным делам Гуров не любил и имел по этому поводу неприятности. Начальник отдела полковник Орлов тоже не любил много писать и, чтобы отчетность была в порядке, требовал эту работу от подчиненных. Правильно требовал, но расписывать свои успехи все равно было противно. Если же ограничиться лишь сухими цифрами, то отчет о работе делался бедным и куцым, даже самому становилось неясно, чем же занималась группа целый месяц. И понимаешь, что писать красиво и подробно необходимо, а не хочется, даже стыдно. Вроде получается: не важно, как работали, важно, как отписали.

Рядом, мягко притормозив, остановились «Жигули», открылась дверца. Гуров посмотрел рассеянно, затем, поняв, что зовут в машину именно его, нагнулся, взглянул на водителя.

– Садитесь, товарищ начальник. – Мужчина за рулем рассмеялся.

– Здравствуйте. – Гуров осторожно сел на раскаленное сиденье. Человека за рулем он, конечно, встречал, но вот где и когда, не мог вспомнить.

– Куда прикажете, товарищ начальник? – Хозяин машины чувствовал, что его не узнают, и был очень доволен этим. Лет тридцати с небольшим, с лицом гладким и блестящим, он улыбался, светлые глазки его задорно блестели.

Гуров почувствовал запах спиртного и вспомнил, где, когда и при каких обстоятельствах встречал этого весельчака, который в тридцатиградусную жару пьет и спокойно садится за руль. Примерно год назад Гоша проходил свидетелем по делу, и Гуров выставил его из кабинета, предложив явиться назавтра трезвым.

– Скажите, Гоша, мои коллеги из ГАИ сегодня в отгуле? Все до единого?

– МУР есть МУР! – Гоша довольно расхохотался и тронул машину. – Ваши коллеги из ГАИ – люди, и ничто человеческое им не чуждо.

Гуров хотел остановить Гошу и вылезти из машины, однако не сделал ни того, ни другого. В последние годы его бы-

лая резкость и непримиримость постепенно уступали место осторожности и рассудительности. Лева задумывался: «Хорошо это или плохо?» Ответа однозначного не находил и огорчился, заметив, как с возрастом у него становится все больше вопросов и все меньше ответов. «По-гуровски получается, – резюмировал он, – что жизненный опыт и мудрость заключаются в накоплении неразрешимых вопросов».

– Мы с друзьями с утречка в баньку заскочили, есть прелестная сауна с бассейнчиком, баром и прочими атрибутами цивилизации. – Гоша взглянул доверительно: – Могу составить протекцию.

Гуров облизнул губы, хотел сказать: мол, приехали – и выйти из «атрибута цивилизации», но вздохнул и развалился на сиденье удобнее. Не следует превращаться в Дон Кихота, чья печальная история широко известна. «Если я перелезу из машины в троллейбус, Гоша не станет иным, он останется Гошей, а я еще больше вспотею, устану и еще больше поглупею, что непременно скажется на работе. А она, моя работа, людям нужна, порой необходима». И, полностью с собой согласившись, Гуров лениво произнес:

– Будьте любезны, на Петровку.

– А что касается ваших уважаемых коллег из ГАИ, то, согласитесь, они живые люди. Они тоже хотят заглянуть в сауну с бассейном и баром. – Гоша сделал паузу, приглашая возразить, улыбнулся поощрительно и продолжал: – Цивилизация несет нам комфорт и всяческие иные блага. Однако! –

Он резко просигналил зазевавшейся старушке и выплюнул такой текст, что Лева не решился бы повторить.

Гуров рассмеялся – Гоша, секунду назад изображавший патриция, прикрывавшийся круглыми словами, которые складывались в изящные фразы и готовы были уже превратиться в прекрасно скроенную теорию, неожиданно выскочил из своей белоснежной тоги голенький, волосатый и дикий.

Гуров поглядывал на Гошу со странным сочувствием. Оказывается, ты обыкновенное лохматое и первобытное. И ни сауна, ни бассейн, ни «Жигули» тебе помочь не могут. И все, что надето на тебе, твою дикость закрывает, как глазурь базарную поделку. Все блестит и переливается, порой похоже на фаянс и фарфор, а легкий удар – и брызги: глина она и есть глина...

– Приехали. – Гоша остановил машину у «Эрмитажа»...

«Лучше идти пешком по солнцепеку, – думал Гуров, направляясь к своему кабинету. – Черт меня попутал сесть в машину к этому проходимцу. Теперь весь день буду себя чувствовать как младенец, которому не меняют пеленки».

– Гуров, ты чего здесь шатаешься?

Лева кивнул остановившемуся было товарищу, молча прошел мимо, но подумал, что обидел человека. Сделал еще несколько шагов и услышал звонкий девичий голос:

– Гуров! Зайдите!

Дверь в приемную руководства была открыта, секретарша махнула ему рукой.

Лева вошел, поклонился:

– Добрый день, Светлана. Я весь внимание.

– Ты, Гуров, весь пренебрежение, – съязвила секретарша. – Тебя обыскались. – Она кивнула на двойную дубовую дверь и внезапно смутилась так, что Лева отвернулся.

На пороге кабинета стоял полковник Турилин. Дело в том, что Константин Константинович лишь минуту назад попросил Светлану позвонить Гурову домой.

– Здравствуйте! Отдохнули? – Турилин пожал Гурову руку, пропустил в кабинет, прикрыл за собой обе двери. – Не бери в голову, Лева, она в основном девочка неплохая.

Из этой фразы Гуров извлек массу информации. Первое. Обращение на «ты» и по имени означало, что дальше последует просьба. Мало того, Константин Константинович чувствует себя неловко и обращаться к Гурову не очень хочет. Второе. Почти все девушки, по словам Турилина, были существами прелестными, очаровательными или умненькими либо очень прилежными. Его выражение «в основном неплохая» значило, что свою секретаршу Турилин переносит с большим трудом.

– Присядь на минуточку.

Турилин обошел свой огромный, черного дерева, покрытый зеленым сукном стол:

– Давненько мы с тобой, коллега, не беседовали.

Щелкнул динамик и голосом Светланы произнес:

– Константин Константинович, эксперт НТО и врач здесь.

– Пусть подождут, – ответил Турилин, протянул Лева листок. – Здесь адрес и прочее. Несчастный случай... Видимо... Я понимаю, что ты после дежурства, но меня попросили. – Турилин почему-то посмотрел в окно, словно именно оттуда его попросили. – В общем, коллега, бери группу и поезжай. Звони. Я буду здесь допоздна.

«Следователь придет примерно через час, – прикинул Гуров. – Если Боря Вакуров на месте, то он будет с минуты на минуту».

– Доктор, чем нанесли удар? – спросил Гуров.

– Металлическим предметом, возможно, молотком. – Доктор зло прищурился и кивнул на стену, за которой на кухне сидели Качалин, Сергачев и Вера. – Кто-то из них.

– Ну-ну. – Лева понимал ход мысли врача, однако от столь категорического утверждения отказался.

«Если убил человек посторонний, то инсценировка несчастного случая ему совершенно ни к чему. Убил, ушел, ищите ветра в поле. Убийца – человек в доме свой, сразу попадающий в поле зрения следствия. Мало того, у убийцы существует мотив, открытый мотив для убийства. И он стремился выдать все за несчастный случай, потому что полагал: находясь рядом с жертвой, немедленно попадетя мне на глаза. Я увижу его, увижу причину, по которой он мог же-

лать смерти Качалиной, и круг замкнется. Значит, убийца и мотив убийства находятся на самом виду, у меня под носом. Когда убивают женщину, то на самом виду находится муж. А если любовник? Обаятельный сосед с открытым лицом и великолепной фигурой, он из последних сил старается казаться спокойным, но получается у него скверно, почти совсем не получается».

– Денис Сергачев, – пробормотал Лева.

– Денис Сергачев! Олимпиец, чемпион мира и окрестностей, у нас на учете не состоит... – Врач взглянул на труп. – Красивая была пара.

«Они не были парой», – хотел ответить Лева. А вот Качалин жене совсем не пара, но, судя по всему, деньги у него есть. Тривиальная история, треугольник: красавец любовник и богатый муж? Или надоевший любовник, который требует, пытается разрушить красивый корабль? И никто из них не знает, что корабль уже торпедирован и идет ко дну и завтра имущество отберут. Возможно, Сергачев ждал годы, и терпение его кончилось, а осталось подождать совсем немного. Попытка выяснить отношения привела к катастрофе. Сергачев знает, что о его связи с Качалиной известно, он сразу становится центральной фигурой, и создается глупейшая инсценировка несчастного случая. Версия, не подкрепленная фактами, но вполне правдоподобная.

Лева поднялся, в холле взглянул на свое отражение безо всякой симпатии и хотел уже пройти на кухню, как дверь,

которую не захлопнули, открылась, и в квартиру вошел молодой человек, элегантный и веселый, хлопнул Леву по плечу и сказал:

– Салют, старик! Меня зовут Толик. Слышал? – Он оглянулся. – Где мадам? Для нее кое-что имеется.

– Толик!.. – из кухни выглянул Качалин. – Заходи, горе у меня. Помяни грешницу.

– Простите.

Лева отстранил Качалина, подошел к столу, на котором стояла бутылка.

– Остались некоторые формальности, с поминками придется немного повременить.

День минувший

Денис Сергачев и Елена Качалина

Денис родился летом сорок первого, круглым сиротой. Мать умерла при родах. Отец не узнал о рождении сына и смерти жены. Его убили ранним утром двадцать второго, когда он, курсант танкового училища, поднявшись по тревоге, стоял на плацу, ждал появления начальника училища.

Солнце вставало за спиной, курсанты отбрасывали длинные тени, пахло росой, свежестиранным бельем, цветочным одеколоном. Притаившиеся в ельнике танки придавали силы и уверенности.

– Смир-р-рно! – раздалось по плацу, и неожиданно раскатистой команде где-то впереди, за лесом, ответил гул авиационных моторов. Курсанты выпятили подбородки и груди, скрипнув необмятыми ремнями до ломоты в лопатках, расправили юношеские плечи. Отчетливее стали слышны приближающиеся самолеты.

– Наши «соколы»! – горделиво прошелестело по плацу, и никто не подумал, что нашим «соколам» надлежало появиться с востока, а не с запада. Фашисты шли совсем низко. Вывалившись из-за леса, обрушили на людей накопленный Европой запас железа, вой, грохот.

Рос Денис в многодетной семье сестры матери. В детстве, как и все сверстники, постоянно недоедал, ходил в обносках старших, к школе относился равнодушно. Дом их находился в Сокольниках, примыкал к стадиону, на котором с утра собирались все прогульщики, и спортом Денис начал заниматься от нечего делать, просто так, даже не помышляя о чемпионстве и рекордах. В семье тетки он не чувствовал себя двоюродным, но особой любви не было и среди родных, росли обособленно, самостоятельно, без поцелуев и ссор.

Стадион был без мрамора, гранита, трибун и многочисленных контролеров. Футбольное поле, две волейбольные и одна баскетбольная площадки, раздвигающийся почти в любом месте деревянный забор, погрязшая в семейных заботах тетка неопределенного возраста, которая в воскресенье надевала красную повязку и лениво гоняла безбилетников. Приезжали на стадион в весело дребезжащем трамвае, приходили в рваных ботинках на босу ногу.

Закончив седьмой класс, Денис устроился на стадион работать. В жару таскал извивающийся тяжелый шланг, поднимая тугую струю, изображал дождь, пытался поливать ровно, не собирая луж. Если дождило, шлепал босиком, размахивал метлой аккуратно, старался на площадках не выгребать землю, не наскрести ям. Случалось, какой-нибудь команде не хватало участника, завсегдатаи звали Дениса, и он с удовольствием бегал, прыгал и гонял мяч. За свои выступления он получал тапочки или майку, порой талончики на обед, даже

на трехразовое питание в ближайшей столовой, где его тоже знали, и, когда все проесть не удавалось, он мог поменять талоны на деньги. Один из физруков, часто обращавшийся к услугам Дениса, подшучивал: «Ты, Дениска, в нашем советском спорте единственный профессионал, гребешь деньги лопатой».

Вскоре спорт из забавы стал делом его жизни. В восемнадцать лет Денис выполнил норму мастера спорта СССР. В двадцать стали называть по фамилии и на «вы», и тут судьба занесла его на стадион «Динамо», где он и встретил первую любовь.

Сильный и уверенный, всего и всегда добивающийся самостоятельно, Денис не помнил, чтобы когда-нибудь плакал, и к двадцати годам был убежден: что-что, а защитные реакции у него в полном порядке.

Однажды, когда он, как обычно, провожал Леночку домой и они уже более часа стояли в подъезде и поцелуи их стали солоноватыми, девушка сказала:

– Ты больше не приходи, Дэник.

Фраза простая и однозначная, как пощечина, но мужчины понимают ее плохо. Денис был обыкновенным молодым, самоуверенным мужчиной и спросил:

– А что у тебя завтра? – и с подчеркнутой угрозой добавил: – Хорошо, я позволю... – Чмокнул Леночку в щеку покровительственно, сбежал на один пролет. – На неделе.

Денис остановился, ожидая, что девушка окликнет его:

мол, как это на неделе? Когда? Во сколько? Хлопнула дверь. Леночка, как всякая женщина, которая разлюбила, уже забыла Дениса. Женщины любят говорить о человечности, когда уходят от них, сами же оставляют мужчин просто, без затей, словно смахивают камешек в колодезь, – только что был, а теперь нет, даже «буль-буль» никто не расслышал.

У Дениса для настоящего романа времени не было. Объяснялось: с четырнадцати начал зарабатывать, в шестнадцать – работать и серьезно увлекся спортом. На лавочках не сидел, под окнами не гулял, у телефона не томился, о загадочной женской душе не размышлял. От девушек-поклонниц он рассеянно принимал цветы, восторженные взгляды и неумелые поцелуи; от женщин зрелых – заботу, сдержанные вздохи и терпение. Первая любовь его нокаутировала, он долго не мог сообразить, что валяется на полу и надо не отыгрываться, а уползать в свой угол. Денис еще долго бросался в бой, не замечая, что давно нет противника и бой он ведет с тенью, и, только наунижавшись, наговорив несметное количество глупостей и беспомощных угроз, он отправился зализывать раны.

Спорт помог Денису, физические нагрузки и нервные стрессы вытеснили боль и унижение. Он поднялся на вершину спортивной славы, продержался на вершине недолго, оставил спорт, кончил тренировать и начал пописывать в спортивные газеты и журналы. Легко и беззаботно женился и еще более беззаботно развелся. Жена в течение года их

совместной жизни последовательно доказывала, что она натура возвышенная, рожденная лишь для украшения жизни и чуждая грубому миру магазинов, кухни, стирки и других атрибутов мещанства. Однако при разводе отобрала у мужа квартиру и машину – то, что он сумел завоевать в этом грубом материальном мире. Денис толкнулся было в суд, но при первом же разбирательстве попал в такой канализационный люк, услышал о себе столько нового, интересного и непотребного, что позорно бежал с поля боя.

Однажды, в погожий летний день, накануне своего тридцатипятилетия, Денис шел вверх по улице Горького, как всякий коренной москвич привычно уворачиваясь от суетливых гостей, и размышлял на тему: кто такой Денис Сергачев? К этому его подтолкнула приближающаяся дата. Где ее отмечать и на какие деньги? Неизвестно, до каких бы философских глубин опустился Денис, где и на какие деньги отмечал юбилей, с какими бы женщинами встречался, а от каких бежал, – не остановись рядом с ним «Жигули» и не оклики его женский с чуть заметной хрипотцой голос:

– Дэник!

Занятый своими мыслями, он проскочил мимо очевидной истины, что, услышав такое обращение, должен бежать прочь быстрее лани. И доверчиво заглянул в белую «шестерку»...

Свой день рождения Денис отмечал в роскошной большой квартире, пил и ел с совершенно незнакомыми людьми,

которые его, Дениса Сергачева, прекрасно знали, блаженно улыбался комплиентам и безбоязненно и открыто отвечал на ласковый взгляд карих глаз Елены. Она делила свое внимание хозяйки и обаяние женщины среди присутствующих равными долями, веселая и беспечная. Он чувствовал себя великолепно, поглядывал на Елену с чуть грустной снисходительностью, как человек порой оглядывается на свое детство, такое смешное в своих горестях, радостях и игрушечных страстях. На душе у Дениса было тихо и спокойно. Он никогда не бороздил бескрайние просторы океана и не знал, что полный штиль порой сменяется мертвым штилем, а затем... рубите мачты на гробы. Не всякому дано заглянуть в завтрашний день.

Прощаясь, Денис долго благодарил Елену и ее мужа за великолепный вечер, попытался оставить дорогой подарок, вынужден был забрать его и, наконец заверив, что будет звонить, уехал. В такси, затем в тесной комнатенке, которую снимал, Денис разглядывал роскошные часы – подарок, вспомнил прошедший вечер, милых и любезных людей, Елену и ее мужа. Приятный парень, как его зовут? Денис не знал, как зовут хозяина, в чьем доме праздновал день своего рождения. Такой приятный, отличный парень.

Денис потрогал часы и вспомнил, как однажды садился в «Мерседес». Он тогда опустился на сиденье, закрыл дверцу и понял, какого класса машина. Кресло не провалилось и не уперлось, а приняло гостеприимно, ненавязчиво, мягко,

поддельываясь под гостя, хочешь – развалишься, хочешь – сяди прямо, креслу и так и эдак удобно. Дверь машины не захлопнулась и не защелкнулась, а словно по собственному желанию вернулась на свое место, мягко чмокнула и прилипла. Так же и часы. Они вернулись на свое законное место, здесь, на запястье Дениса, этим часам было удобно, они старались держаться незаметно – их дело показывать время, не нахально сверкать, а отсчитывать секунды, и, если тебе понадобится, они взглянут на тебя прозрачным циферблатом, выставят строгие стрелки, и в их точности невозможно сомневаться, как во взгляде скромного, порядочного человека.

«Ну, Ленка! – удивлялся Денис, укладываясь в извилины тахты, где для каждой части тела существовало персональное место и не дай бог было перепутать – тогда уж удобнее спать на булыжной мостовой. – Ну, Ленка, а я-то считал тебя человеком тщеславным, расчетливым». Денис наконец улегся и привычно застыл, зная, что ворочаться не рекомендуется.

Проснулся Денис сразу, как просыпался обычно, выдернул себя из тахты, начал быстро делать гимнастику. Через десять минут тело приобрело свои человеческие формы, Денис натянул тренировочный костюм и отправился по коридору, считая двери. Их было девять, Денис запомнил, а кто живет за этими дверьми – не знал. За каждой – целый мир со своими перевоплощениями, и, отправляясь утром в ванную, Денис просто двери пересчитывал, довольствуясь, что хотя

бы количество миров оставалось неизменным.

Ванная была замечательная – потолок метров пять, ну, метр паутины, но ее и не видно, лампочка синяя, со времен войны. Денис пытался заменить, но не разрешили. Внуки сегодняшних детей еще на нее полюбуются, если, конечно, разглядят. Замечательна ванная еще и тем, что, в отличие от уборной, всегда свободна: размеров купеческих, жильцы заглядывали лишь по делу – кто велосипед принесет, кто пианино развалившееся задвинет, уникальные керосинки и прируса припрячет. Денис потихоньку сменил душевой рожок, стащил в спортзале резиновый коврик и по утрам, доставая его из-под жестяной печки-«буржуйки», кидал в ванну, становился на него, пускал холодную или ледяную, в зависимости от времени года, воду и мылся. Жильцы на Дениса поглядывали косо, но не без уважения.

Миновав девять дверей, раскланявшись с малознакомыми и незнакомыми людьми, Денис вернулся после душа к себе, как в родной окоп после вылазки на ту сторону.

В дверях его узенькой комнатки стояла Елена!

– Салют, Дэник! Быстренько одевайся и едем!

Денис, перешагивая порог, расслабился и потому вздрогнул.

– Елена! Как это ты? – Он запнулся и продолжал растерянно: – Ты садись. Я рад, не ожидал.

Елена была элегантна и раскованна, как манекенщица, привыкшая вызывать у зрителя зависть и восхищение. Ком-

ната-пенал, казалось, раздвинулась, наполнилась светом и запахами, которые присущи только очень дорогим женщинам.

– Я постою. – Елена хрипловато рассмеялась и присела на край стола. – Быстренько, Дэник, нас ждут.

– Сейчас, минуточку. – Денис начал стаскивать тренировочный костюм.

– Я уже поняла, что располнел, не стесняйся. – Елена закурила. Стараясь не обидеть хозяина, оглядела комнату.

– Килограмма три, не больше. – Денис разозлился.

– Не меньше пяти, – безошибочно определила Елена и, не давая ответить, продолжала: – Нашла тебе квартирку, правда однокомнатную, но приличную. Сейчас купить двухкомнатную на одного довольно сложно. Ты официально разведен?

– Абсолютно, – буркнул Денис.

– И хорошо, и плохо. С нашим председателем я договорилась, в райисполком позвонила, нас ждут. Квартира в отличном состоянии, но ремонт обязаны сделать – возьмем деньгами. Я договорюсь, ты не суйся. Ты, извини, лопух, видно издали. Кое-что из мебели хозяева, они уезжают в проклятый мир, забирать не захотят – не вздумай за эту рухлядь платить. Ты делаешь одолжение, что позволяешь ее не вывозить.

– Слушай, Елена... – Усаживаясь в белые «Жигули» рядом с Еленой, Денис постарался придать голосу мужские интонации: – Я благодарен, все великолепно, но...

– Уже прикинула, – перебила Елена, профессионально вписываясь в поток машин. – Три – вступительный взнос, одна уже выплачена, получается четыре, накладные расходы – надо пообедать с некоторыми людьми, – уложишься в пять с копейками.

– Елена, у меня...

– Дэнник! – Елена повернулась к нему, чмокнула в щеку. – А наша юность? Дружба уже ничего не стоит? Пропал на пятнадцать лет и все забыл?

– Я пропал?

– Простила, забыла, выбрось из головы. – Елена проехала на желтый свет, махнула гаишнику, тот приветственно кивнул. – Валера, – пояснила она. – В нашем ГАИ у меня проблем нет. Деньги? Я поговорила с Игорем, он на какой-то срок достанет, там придумаешь, перекрутишься.

«Если откладывать пятьдесят в месяц – шестьсот в год, – значит, перекручиваться я буду десять лет», – подвел итог Денис.

– Когда же ты успела? – удивился он. – С тем поговорила, с другим решила, со всеми перезвонила.

– А чем я занималась вчера весь вечер? – Елена явно хотела сказать в его адрес что-то нелестное, но сдержалась. – Пришлось пригласить кое-кого не нашего уровня, с одним я дважды танцевала.

Больше в этот день Денис вопросов не задавал.

Муж Елены деньги «достал», передал конверт с пятью

тысячами просто, без лишних слов, как соседи одалживают друг другу хлеб или сахар. Дэнник заплатил за квартиру, купил тахту и письменный стол. Остальную обстановку, как и предсказывала Елена, оставили прежние хозяева. Денис никогда крупно не занимал, в крайнем случае перехватывал двадцатку на несколько дней. Пять тысяч повисли над ним, он даже начал сутулиться – так ходят высокие люди в помещении с низким потолком, ежесекундно боясь выпрямиться и разбить себе голову. Он взялся за подсчеты, выяснил, что если удастся взять еще одну группу и получить дополнительно пятьдесят часов и заключить договор в издательстве, то при такой нагрузке – сколько останется на сон, страшно подумать, – расплатиться можно не раньше чем через три года. Никакой квартиры не надо, жил бы в своем «пенале», ведь жил, и ничего. Что теперь будет? Перспектива ближайших лет сделала Дениса молчаливым, сосредоточенно-безрадостным.

Жил он в прекрасном доме, в просторной, хорошо, по его представлениям, обставленной квартире, вставал с мыслью о деньгах, ложился с думами о долгах. Ко всему еще начал расставаться с друзьями детства. Человек контактный, Денис приятелям счет не вел, но друзей было всего двое. Когда он сообщил о покупке квартиры, оба, совершенно не похожие друг на друга, одинаково взъерошились и чуть не хором спросили:

– А деньги?

– Будет день – будет пища, – пошутил Денис.

Елену оба прекрасно знали, дружно не любили, она им в давнем прошлом отвечала безраздельным высокомерием. Денис ни слова о ней ребятам не сказал, стыдился признать-ся, что встретился, принял от Елены помощь. Друзья каким-то образом обо всем узнали, попытка объясниться привела лишь к охлаждению.

– Ну и ладно, не учите, не маленький, – сказал Денис, закрывая обитую кожзамениателем дверь, посмотрел на друзей в глазок, и они, вчера единственные и родные, показались ему далекими и даже враждебными.

Тяжелый разговор с Еленой начался с вопроса, который Денис задал в искренне шутливом тоне:

– Помоги неразумному советом: что делать?

– Жить, Дэник, все остальное ерунда. – Елена купила ему занавески на кухню, сейчас подшивала их на машинке.

– Ты мне еще не сказала, где работаешь, где и сколько получает Игорь, как вам удастся содержать такую квартиру, машину, устраивать приемы? – Денис взглянул на подаренные ему часы и от последнего вопроса воздержался.

– У меня шестьдесят часов в одной шарашкиной конторе, заполняю дневники, получаю деньги, им нужны лишь галочки, что физкультурная работа ведется. – Елена откусила нитку, шить перестала, сидела, не поворачиваясь, напряженно, ее ожидание Дениса подтолкнуло.

– Твоей зарплаты не хватит оплатить квартиру, сколько

же зарабатывает Игорь?

Елена повернулась вместе со стулом, оглядела Дениса несколько задумчиво:

– Я тебе скажу. Не поймешь – пеняй на себя. Вопрос твой неприличен и никогда, никому, – Елена улыбнулась, но в голосе ее звучала неприкрытая угроза, – из моих знакомых его не задавай. Тебя может интересовать, как люди живут, а на какие средства – проблема не твоя.

Самое удивительное, что даже эта речь Елену не портила: она оставалась женственной. Впервые после их случайной встречи Денис увидел не размытое далекое прошлое, а реальное и желанное настоящее. И он, смотря на Елену, видел теперь не свою первую любовь, не юность, а женщину. Читай он Библию, то сказал бы: вот он, грех во плоти, и ничего желанней этого греха на земле не существует. Исчезла квартира, проблемы, долги, осталась лишь женщина с золотыми волосами, глазами загадочными, зовущими и удерживающими на расстоянии, с телом, обещавшим и совершенно недоступным.

– Я тоже не твоя проблема. – Елена встала, ту же затянула пояс халата. – Я рада, что ты умница, Дэник. – Елена протянула ему шторы. – Давай повесим, в кухне станет уютнее.

Вскоре с тренерской работы Денис ушел, целиком занялся журналистикой. Так решила Елена. Если тренер – то сборная, в крайнем случае команда мастеров, поездки за рубеж, объяснила она. Журналист – это нечто неопределенное, за-

гадочное и опасное. Человек должен быть контактным, обязательным и немного опасным, это располагает, щекочет нервы.

Кто-то кому-то позвонил, кто-то с кем-то пообедал. Денис ничего не знал, через несколько дней его пригласили в редакцию и предложили должность корреспондента. Жизнь на одной площадке с Качалиными оказалась очень простой и приятной. Однако материальная проблема не разрешалась, наоборот, в деньгах Денис потерял. Корреспондент – слово красивое, к деньгам непосредственно отношения не имеет. Денис плевать хотел на мелкие проблемы, главное, рядом живет Елена. Видеть ее можно каждый день, почти в любое время. Она часто брала его с собой, когда уезжала по делам, которые Дениса не интересовали. Елена за рулем, он рядом, удивляясь, как ухитрился прожить без этой женщины более пятнадцати лет...

– Напиши о строительстве спортивных объектов, – сказала Елена невзначай.

Денис не расслышал толком. Сидя рядом в машине, он пытался просунуть свою широкую ладонь в узкий карман ее замшевой куртки.

– Где статья? – спросила Елена через несколько дней.

Денис несколько растерялся, но не спросил, что именно она имеет в виду, начал путано объяснять: мол, в редакции без году неделя, и статьи ему не заказывают, работает пока на подхвате, собирает материал, пишут другие.

– Наша страна все время строит, людям интересно знать, что строят, как, – нравоучительно произнесла Елена и недовольно поморщилась.

Недовольство Денис уловил сразу, заявил в редакции о своем неуместном желании познакомиться со строительством какого-нибудь спортивного комплекса и тут же получил согласие и конкретное задание.

Через две недели материал был опубликован. Написанный штампованными фразами, с еще более штампованными мыслями, он прошел совершенно незамеченным. Елена же, прочитав, благосклонно кивнула, поцеловала в щеку, сказала:

– Молодец, Дэник, так держать. Только чуть критичнее – ты должен быть объективным и строгим. – И повернула разговор в сторону: – Я хочу попросить тебя об одном одолжении. – Глянула вскользь, но испытующе.

Денис кивнул, хотел ответить, лишь снова кивнул.

Елена рассмеялась:

– Спасибо. Я хочу «Волгу». Не реку, она очень большая и никчемная. – Елена улыбнулась, пытаясь Дениса рассмешить.

Он же буквально обалдел:

– Пятнадцать тысяч...

– Ерунда. Трудно достать – тебя тоже не касается. – Елена его снова поцеловала. – Достанут и заплатят. Я прошу, чтобы ты на себя ее оформил. У нас машина есть, если мы купим

«Волгу», это может вызвать к Игорю нездоровое внимание.

– Оформить? Пожалуйста. Хотя если у меня спросят, на какие деньги...

– Сбережения, Дэник, ты всегда был человеком бережливым.

– Я?

– Когда ты выступал, то сколько лет ездил туда? – Елена кивнула на окно.

– Много, – Денис задумался, – лет восемь, наверно.

– Сколько раз? – Елена, изображая следователя, спрашивала строго.

– Не помню, возьмите мое личное дело и поинтересуйтесь, – подыграл Денис. – Раз двадцать ездил, может, и больше.

– Вещи для продажи привозил?

– Что значит для продажи? – Денис вошел в роль, даже увлекся. – Времени шататься по магазинам не было, истратишь валюту как попало, вернешься, здесь остынешь, сдашь в комиссионку. А что? Нельзя?

– Дэник, – Елена всплеснула руками, – ты великолепен. Главное же, запомни: никто никогда подобных вопросов тебе задавать не будет. Кто ты, Денис Сергачев, в глазах тети Маши?

– Никто. Бывший.

– Ты, Дэник, человек, всю жизнь разъезжавший по границам. Натаскал ты себе за эти годы тьму кромешную. И по-

ставь ты завтра у подъезда не «Волгу», а белокаменный дворец, что скажут?

– Банк ограбил.

Елена посмотрела на Дениса с сожалением, как смотрят на родного, безнадежно больного человека:

– Скажут: «Наконец-то придуриваться перестал, сколько накоплено и припрятано. Одних золотых медалей на десять челюстей хватит»... В общем, бери «Волгу», будем кататься. Не спорь, будешь ездить на ней и один. Обязательно. Денис Сергачев на «Волге». И ни у кого нет вопросов.

– Елена, хочешь верь, хочешь нет, я за всю жизнь в спорте... – начал Денис несколько напыщенно. Елена закрыла ему рот поцелуем.

– Ты дурак, мне известно. Совсем не обязательно кричать об этом из окна или объяснять по телевизору. Кстати, как ты думаешь: что бы у тебя сейчас было, выйди я за тебя тогда замуж? – Елена перестала шутить, смотрела серьезно.

– Я хотел бы сына, – смутился Денис и, помявшись, добавил: – И дочку.

Разговаривали они у Качалиных на кухне. Елена, к удивлению Дениса, не готовила, как обычно, даже не отвечала на телефонные звонки. Аппарат время от времени вздрагивал и требовательно верещал. Елене надоело, отключила его. Задавая свой последний вопрос, Елена собиралась затем рассказать, что будь они женаты, то сегодня обладали бы и квартирой, и «Волгой», что его поездки при ее практической сме-

калке – золотая жила. А не вышла она за него замуж потому, что не хотела ждать, да и жила эта сегодня бы уже иссякла, а ей, женщине, много надо и сегодня, и завтра.

Когда Денис сказал о сыне, Елена чуть улыбнулась, добавление дочери разозлило окончательно. Слова путались и, сбивая друг друга, не желали выстраиваться в нормальные фразы.

– Сын... Дочка... – повторила Елена и неожиданно ловким движением стянула через голову тонкий свитер. – А с этим как? Ты глаза-то открой! Будь у меня сейчас сын, ты бы не зажмурился, жрал бы яичницу, ковырял в зубах и смотрел в окно...

Денис покорно глаза открыл, но не поднял. Елена подошла и прижала его голову к груди.

Потом Денис ничего вспомнить не мог, и беспамятство это приводило его в бешенство. Он ощущал себя и крезом, и нищим. Елена вела себя, словно ничего не произошло. Денис несколько дней старался с ее мужем не встречаться, затем все как-то само собой вошло в привычную колею.

Денис купил «Волгу» и окончательно расстался с друзьями. Они появились, как всегда, вдвоем, мазнули по сверкающей машине взглядом, один, криво улыбнувшись, попросил прокатить, второй, он всегда был в их троице главным, прижал Дениса к машине и, тяжело дыша ему в лицо, сказал:

– Ты был олимпийцем, Сергачев, ты был нашим другом. Теперь ты вроде гоголевского Андрия. Я не Тарас, я тебя не

рожал, почему ты оказался предателем, не знаю. Когда тебе станет совсем плохо – позвони. Если тебя не подпустят к телефону, – он отстранился, оглядел Дениса, словно раньше никогда не видел, – напиши... В память о Денисе Сергачеве, который был, мы придем.

Вечером впервые в жизни Денис напился.

Неожиданную помощь в борьбе с новым увлечением ему оказала та же «Волга». Елена требовала, чтобы Денис ежедневно ездил на машине, подъезжал к редакции, к Спорткомитету, в Лужники. В общем, во всех местах, где его знали и могли видеть, он должен быть за рулем. Мало того, если раньше, разъезжая по своим личным делам, она водила «Жигули» сама, то теперь просила Дениса.

Денис и Елена выступали во внешнем мире как деловые партнеры. Действительно же он был шофером, охранником – хотя об этой роли не догадывался, – представительным и престижным ухажером, который былую страсть сменил на безнадежную и платоническую любовь. В последней роли Денис нравился всем. Елене – потому что такого пажа ни у кого из подруг не было. Фигура, имя, даже обаяние! Милые подружки, радуйтесь за меня и не портите себе цвет лица. Мужчинам Денис был симпатичен, так как среди приятелей за рюмкой можно сказать: «Денис Сергачев, – знаете, этот самый? – за пивом бегаёт, вчера теплое принес, стартовал заново». Был Денис Сергачев Олимпиец – все с большой буквы, и другие чувствовали себя рядом с ним неполноценны-

ми пигмеями, сражались в его присутствии лишь с комплексом неполноценности. Жизнь всех расставила по своим местам. Подругам Елены Денис служил как бы допингом и стимулом. Все давно обрыдло, пошлые мужья-добытчики только о деньгах и говорят, скабрёзные анекдоты рассказывают, за спиной шепчутся о девчонках. А появляется Денис Сергачев?! Пусть пока под пятой у этой бездушной стервы... Глаза у Дениса на месте, мозги не все растерял, оглянется, разберется, кто есть кто.

Денис не догадывался, какие страсти кипели, как согрелась давно остывшая кровь, видел только Елену, жил, дышал, как прикажут.

Обычно Денис выходил из дома раньше Елены, прогрел «Волгу», затем спускалась она – деловая, элегантная, несколько отчужденная и от этого еще более желанная.

В тот день все было, как всегда. Денис послушно повел машину – Елена назвала незнакомый адрес, он оказался совсем неподалеку. Остановившись у дома, в котором не было ни магазина, ни ателье, ни парикмахерской, Денис просительно произнес:

– Можно, я подожду в машине? – Ему очень не хотелось пить кофе и слушать женские сплетни.

– Нет, здесь ты мне нужен. – Елена рассмеялась, взглянула игриво.

Они поднялись на второй этаж, Елена открыла дверь своим ключом, вошла по-хозяйски. В однокомнатной, уютной,

скромно обставленной квартире никого не было.

– Располагайся, ты дома, я сняла эту комнатку для нас.

Елена переделалась в халат и начала хозяйничать: вытирать пыль, мыть ванну, зажгла на кухне газ, поставила чайник. Делала она все быстро и ловко. Денис слонялся следом и по тому, как в ванной были сменены зубные щетки, мыло, одеколон и полотенце, понял, что Елена лжет. Квартира снята давно, просто некоторое время здесь никого не было.

Дениса знобило, ощущение походило на предстартовый мандраж, который исчезнет после судейского свистка. Денис сел в уголке, попытался разобраться, что с ним происходит. Он так ждал сегодняшнего дня, не торопил Елену, полагая, что в интимных вопросах должна решать женщина. Она решила, – казалось бы, он должен быть счастлив, но в чувствах, которые его сейчас опутали, были и недоумение, и растерянность, и нарастающий гнев – все что угодно, кроме счастья. Выкинула зубные щетки, заменила полотенца и постельное белье, могла бы все это сделать и без него – приехать сюда вчера. Пройдет его, Дениса, время, и Елена так же ловко и быстро все проделает заново, так же будет плескаться в ванной, а в кресле усядется другой мужчина.

Денис поднялся, с трудом вынул себя из кресла: надо уходить, оставить ключи от машины и тихонько закрыть за собой дверь. Черт возьми, он – Денис Сергачев! Не шофер, носильщик, сопровождающее лицо, он – Денис Сергачев!

– Дэник!

Он открыл дверь ванной, остановился на пороге. Елена сидела, окутанная ароматной пеной, словно златокудрая греческая богиня. «Тюрьма, петля, никуда я не уйду, время, когда я мог принимать решения, кончилось», – понял Денис, хотел пошутить, но губы не слушались. Озорные искорки исчезли из ее карих глаз, во взгляде появились настороженность и внимание.

– Свари, пожалуйста, кофе и выпей рюмочку, машину сегодня поведу я. Ты мне разрешишь? Дэник, доставь мне удовольствие, выпей, ты становишься таким очаровательным. – Елена упрашивала его, как ребенок выклянчивает у родителей что-то запретное. Она не обдумывала эти слова заранее, не подбирала тон, который был ей совершенно несвойствен. Сделала все по наитию, спонтанно, выстрелила, не целясь, и уложила весь залп в десятку.

Денис рассмеялся и потерял остатки воли. На кухне он выпил стакан коньяку, занялся варкой кофе, выпил еще, и огонь, растекавшийся по жилкам, завершил превращение Олимпийца в раба.

В машине Елена, вновь деловая и конкретная, протянула ключ от квартиры:

- Надеюсь, ты не станешь сюда водить девок.
- У меня есть своя квартира, – ответил он.
- Над чем ты сейчас работаешь? Я попросила для тебя командировку на Украину. Там есть несколько интересных строительных, не удивляйся и поезжай.

– Я спортсмен, а не строитель.

– Количество и качество спортивных сооружений определяет массовость спортивного движения. – Елена умела говорить четкими бездумными фразами, без тени иронии. – Массовость определяет мастерство. Олимпийский чемпион вырастает из десятков тысяч рядовых спортсменов.

Денис пожал плечами и ничего не ответил, он чувствовал: Елена имеет на него очень конкретные виды, какие именно, не знал и не желал догадываться. Придет время – скажет, а сейчас надо в командировку? Поедем.

Эта квартира стала их третьим домом. Денис захаживал сюда и один. Никто не беспокоил, телефон молчал, в дверь не барабанили ногами и даже деликатно не звонили. Елена здесь становилась совершенно иной: ее деловитость и энергия исчезали, и она, задумчивая и тихая, не торопясь принимала ванну, неохотно ела и забиралась в постель, где, свернувшись калачиком, дремала, а иногда даже спала. Ласки она принимала равнодушно, с гримаской, которая означала: мол, если тебе это приятно, то так уж и быть. Темперамент и энергию Елена полностью растрчивала во внешнем мире, на людях. Она была похожа на замученного многочисленными родственниками ребенка, который, подыгрывая взрослому эгоистично-тщеславному миру, старательно, даже талантливо, изображает вундеркинда, затем прячется в детской, где, не думая, как он выглядит со стороны, становится самим собой – маленьким, обыкновенным, беззащитным.

Дрема этой квартиры охватывала и Дениса. Он тоже становился вялым, двигался не пружинисто и легко, а распутив мышцы и вывалив животик, приволакивая шлепанцы. Слонялся из кухни в комнату, таская стакан и прихлебывая на ходу, глядя в потолок, размышляя о жизни, Елене и себе и ни о чем конкретно.

Прошел год. Долг Дениса уменьшился на тысячу, перестал его тяготить: должен и должен, потихоньку отдам, для Игоря Качалина четыре тысячи – не деньги. Денис давно понял: Игорь не занимал пять тысяч на стороне, дал свои, хотя откуда они свои – совершенно неизвестно. Денис и раньше сталкивался с людьми, чьи доходы невозможно даже сравнить с расходами. В таких случаях он делал шаг в сторону, отношений не поддерживал. Теперь он жил среди людей, которые о деньгах не говорили, до зарплаты не занимали. Лишь однажды Денис услышал, как один из друзей Качалиных сказал:

– Если я выхожу из дома и у меня нет в кармане штуки, я чувствую себя так, будто вышел на улицу без штанов.

Два года назад Денис выдал бы говоруну такую штуку, что тот действительно бы остался без штанов. Но два года назад отношение таких людей к Денису было иное: никто подобного и сказать не смел, общества Дениса искали, к его словам прислушивались. Теперь же Денис жил рядом с деньгами, сам делать деньги не умел, и окружающие относились к нему с равнодушием и легким презрением.

Однажды Елена попросила его подъехать к нотариальной конторе, и без очереди (Елена бывала только в тех местах, где ее знают) они оформили доверенность на снятие с учета и продажу «Волги». Денис подписал документы, даже не выяснив, на чье имя выдает доверенность. Больше «Волгу» Денис не видел – она уехала в теплые края, где мандарины, вино, барашки и длинные, как жизнь горцев, тосты.

– Машину ты разбил, – пояснила Елена. – О своем долге забудь – мы в расчете. Встань в Союзе журналистов на «Жигули».

– Нет, – сказал Денис.

Елена взглянула на него с любопытством и некоторым удивлением. Такое выражение случается у человека, когда он поднимается с постели поутру и не находит на месте шлепанцы. Куда подевались? Топай босиком по квартире, разыскивай, ерунда, конечно, найдутся, но непорядок.

– Забыла сказать... – Елена чуть помедлила. Денис приготовился слушать импровизированную ложь и не ошибся. – Квартиру нашу забирают, хозяин вернулся. – Она протянула руку: – Ключи.

– Не забудь сменить зубную щетку. – Денис отдал ключи, словно скинул на землю осточертевший рюкзак, расправил плечи.

Без квартиры, без «Волги», заставлявшей его врать и значительно надувать щеки, он почувствовал себя молодым и свободным. Денис отличался удивительной для своих лет на-

ивностью, походил на убежавшего из дома щенка, который не понимает, что сколько ни бегай, а жрать захочешь и вернешься назад, где тебя ожидает плошка с похлебкой, кость и... цепь.

Неизвестно почему, новую жизнь Денис начал с генеральной уборки своей квартиры. Пылесосил – плохонький пылесос остался от прежних хозяев – стены и вещи, тер и скреб кухню, мыл полы, мазал мастикой. Работая, потел и задышался, будто никогда в жизни не занимался физическим трудом. Закончив уборку, составил распорядок дня, отпечатал на машинке и пришилил его на стенку. Утром делал гимнастику, начал ходить в бассейн, но через две недели выяснил, что денег на жизнь категорически не хватает. Странно, как же он жил раньше? Денег у Елены никогда не брал, обедал у Качалиных крайне редко, вечерами в ресторанах тоже старался не бывать, так что же изменилось? Почему деньги были, а теперь их нет? Денис не замечал, что уже два года не покупает сигарет, пачки валялись у Качалиных на каждом столе, он закуривал, не думая, клал пачку в карман. А сигареты, к которым он уже привык, стоили полтора рубля, следовательно, сорок пять рублей в месяц. Он ни копейки не тратил на транспорт – сейчас толкался в троллейбусах и метро, но в конце дня не выдерживал и садился в такси. Даже короткий маршрут в такси стоил два рубля, значит, шестьдесят в месяц. Тридцать пять надо платить за квартиру. На жизнь Денису оставалось от тридцати до пятидесяти рублей.

Произведя все подсчеты, Денис испугался. Работая тренером, он месяцами жил на сборах, где его кормили, комната-пенал стоила рубли, теперь же все иначе. Денис бросил курить, увидев свободное такси, отворачивался, однообразно питался: яичница, готовые котлеты, кофе лишь изредка, пристрастился к спитому чаю. У спортсменов есть такое понятие: уперся. Если начинается полоса неудач, беспричинно ухудшилась форма, преследуют травмы, походя лягнули в газете и начинает посвистывать публика, то спортсмены говорят: надо упереться. В переводе на русский – терпеть, терпеть, работать и работать.

Денис уперся. Хорошо потерял в весе, не пил и не курил, работал в редакции, как все, от и до, вечерами писал книгу о своем друге, известном, даже легендарном Олимпийце. В соседнюю квартиру не заходил, и как-то получилось, что за полгода лишь однажды столкнулся с Игорем Качалиным у лифта, а Елену не встретил ни разу. Через несколько месяцев Денис начал замечать, что отношение к нему коллег меняется. Его снова стали называть по фамилии, а не по имени и отчеству. Сергачев. Так его звали много лет в спорте. Сергачев. Фамилия, произносимая как имя, известное каждому причастному к большому спорту. Сергачев! Титул, индивидуальность, признание!

– Сергачев! – кричали из коридора. – Я в магазин, что тебе?

– На рубль, – печатая на машинке, отвечал он. – И не от-

казывая себе ни в чем, старина!

Через некоторое время стучали в стенку, и в соседнем кабинете он получал обед: колбаса, сырок «Дружба», кефир или чай, порой винегрет с куском селедки.

Сергачев преодолел инерцию неудач и шагнул вперед, на горизонте начало светлеть.

Вечером, когда Денис, изрядно уставший за день, решал вопрос: то ли поработать еще часок, то ли посмотреть телевизор, – зашел Игорь Качалин. Бывал он у Дениса крайне редко, а уж последние месяцы ни разу.

– Извини, что без звонка, – попытался пошутить Игорь, опускаясь в кресло и закидывая ноги на подлокотник – это была его любимая поза.

Качалин не просто хорошо, а безукоризненно одевался. Костюмы сдержанных тонов, модного, но не броского покроя, рубашки, галстуки, носки со вкусом подобраны по цвету, обувь он носил в большинстве случаев черную, сверкающую чистотой. Внешний вид соседа поначалу раздражал Дениса, позже, когда он увидел, что Игорь, садясь, не боится смять безукоризненную стрелку брюк и вообще не обращает на свою одежду никакого внимания, стал относиться к его щеголеватости терпимее. Гардеробом мужа заведовала Елена, он лишь носил все, что ему ежедневно, а иногда и по два раза в день, выкладывалось и развешивалось. С лицом мужа Елена, к сожалению, ничего поделывать не могла. Большеротое, маловыразительное, с широко расставленными бесцвет-

ными глазками. Симпатичным в лице были веснушки. Густо рассыпанные по всем выпуклостям и впадинам, они придавали Качалину выражение детской непосредственности, что совершенно не соответствовало действительности.

– Не заходишь. С Еленой поссорился? – Качалин болтал ногами, смотрел доброжелательно. – Мою лучшую половину не надо принимать всерьез, тогда все о'кей!

Денис неопределенно пожал плечами. «Знает он о наших отношениях с Еленой? Вполне возможно», – рассуждал Денис, чувствуя себя в присутствии Качалина неуютно, словно пришел в чужой дом и теперь не знает, где присесть и что говорить.

Игорь вынул из кармана конверт, небрежно бросил на стол.

– Здесь три тысячи, две за мной. – Качалин зевнул, и Денис по этому нервному зевку понял, что гость нервничает, а ленивая поза и нарочитое спокойствие – сплошной блеф, за которым прячется волнение.

– Ты, Игорь, похож на новичка перед соревнованиями, я таких видел тысячи. – Денис взял конверт, не открывая его, положил Качалину на колени.

Тот вскочил, вновь бросил конверт на стол и начал расхаживать по комнате.

– Я знал, с тобой будет морока! Порой мне чудится, что от тебя пахнет нафталином. Как от наших бабушек, которых я не помню. Хорошо, нехорошо! Нравственно, безнрав-

ственно!

– Ты можешь сесть, перестать кричать, – посоветовал Денис. – Я думал, ты спокойнее. Что случилось? Какие три тысячи, какие деньги ты мне должен?

– Я со своими очень спокойный. – Качалин вернулся в кресло. – Ты действительно ничего не понимаешь? Конечно, Елена меня предупреждала. Давай все сначала. Я дал тебе пять тысяч, зная: ты отдать не сможешь. Я не могу дарить даже такую мелочь – я человек деловой. И я придумал комбинацию с «Волгой». Мне ее не дадут, и Иванову, и Сидорову не дадут. А Сергачеву, – он ткнул в Дениса пальцем, – дадут! И дали!

– Я не просил. – Денис, понимая несерьезность своих слов, рассердился: – Я вообще ничего у вас не просил. Ни эту квартиру, ни денег взаймы, ни «Волгу»! Даже Клязьму не просил!

– Какую Клязьму? – опешил Качалин.

– Есть большая река Волга, а есть маленькая речка Клязьма. Так я у вас ничего не просил – ни большого, ни маленького. Понял?

Качалин растянул рот до ушей, согласно кивнул:

– Не просил. Однако взял. Каждый берет. Разрешение на «Волгу» получили, использовав имя Дениса Сергачева. Машины продали. Здесь твоя доля и две штуки еще за мной. Все должно быть честно...

– Но ведь я был тебе должен. – Денису казалось: говорит

не он, кто-то другой – но на столе лежал конверт с тремя тысячами. Не надо совершать ничего бесчестного, все уже произошло, даже забыто. Взять деньги, положить в карман.

– Кого-нибудь обманули, что-нибудь украли?! – Тон Качалина стал агрессивнее. – Государство не потеряло ни копейки, человек, купивший машину, только благодарен, а где он ворует, не касается ни меня, ни тем более тебя. Давай сделаем перерыв. – В его голосе прозвучала просьба. – Как у вас говорят: тайм-аут?

– Говорят и так. – Денис рассмеялся и понял, что заглядывает крючок. Но уж больно соблазнительна наживка.

– Пойдем ко мне, врежем по стаканчику. У Елены, правда, бабы, но мы от них спрячемся в кабинете. Деньги, деньги... Завтра договорим.

Спрятаться от хозяйки и ее гостей мужчинам не удалось. Лишь они переступили порог, Елена вышла из гостиной, захватила Дениса, повела знакомить.

– Девочки, прошу любить – Денис Сергачев! Опуская его титулы, похвастаюсь, что мы были дружны с юности и был такой момент, когда Они ухаживали за мной. Признаешь?

Елена говорила очень просто и мило, Денис сделал общий поклон и сипло произнес:

– Признаю...

С момента прихода к нему в квартиру Качалина Денис говорил не то, что думал, и делал не то, что хотел. Решив на этот вечер махнуть рукой и не желая задумываться о зав-

трашнем дне и всех последующих, Денис галантно улыбнулся и сказал:

– За вас, прекрасные дамы, а дорогу осилит идущий. – Выпил слабенький неприятный напиток, налил полный стакан виски и, как бахвалящийся семнадцатилетний физкультурник, осушил бокал до дна.

Видимо, вся эта сцена выглядела не до конца пошлой – женщины захлопали, а соседка Дениса, заглянув ему в глаза, с придыханием произнесла:

– Все-таки они существуют... мужчины.

Тут Качалин взял его под руку, втолкнул в кабинет, закрыл дверь:

– Я же тебе говорил, их нельзя принимать всерьез.

Легкий дурман от выпитого прошел, злость и жалость к себе тоже испарились, остались умиротворение и вера в свою звезду. Денис с недоумением вспомнил редакцию, ребят, готовые котлеты и плавленые сырки. Он еще не понял, что, побегав на воле, вернулся к плошке с ароматной похлебкой и мозговой косточкой. А цепь? Ну, за цепью и ошейником дело не станет.

Ночью Денис несколько раз вставал, наклоняясь к крану, пересохшими губами жадно хватал холодную воду, после пяти уже заснуть не мог, вытирал липкой простыней пот, думал: «Зачем я им нужен? Рассказы о долгах и честном деле же – небрежно сложенная сказка. Зачем я им нужен?»

В редакцию он приплелся вовремя и начал читать напи-

санную вчера статью.

– Двигай отсюда, Денис, – сказал в обед один из редакторов. – Шефа пока нет, мы тебя прикроем.

– Спасибо, ребята, – только и успел ответить Денис, как по коридору тяжело и знакомо протопали и тоненький девичий голосок пропел:

– Сергачев! Ваше высочество, вас просит к себе их величество!

Провожаемый сочувственными взглядами, Денис шагнул в коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.